

Г. ЗИММЕЛЬ\*

## **ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ**

Перевод под редакцией В.Н.Линда  
(М., 1898)

### Глава III. О смысле истории (фрагменты)

Благодаря весьма понятному смешению, которого трудно избежать, в исследованиях по философии истории, сливаются воедино вопрос о законах исторического процесса с вопросом о смысле и значении его. И как всюду, где приводятся к внешнему единству вещи, никакой между собой связи не имеющие, и здесь происходит соединение, так сказать, «второго сорта», т. е. худшие стороны одной части ухудшают и другую, тогда как лучшие стороны последней первой не сообщаются; и там, где каждый из обоих элементов заключает моменты различной ценности, там поочередно это и происходит. Исторические законы могут, конечно, содержать в себе некое приближение к истине, они лежат на том пути, по которому принципиально возможно дойти до реально доказуемых сил исторического процесса; но они все еще находятся бесконечно далеко от этой цели, и каждый из них, раз он выставляется действительным законом, должен быть прямо отвергнут. Но о смысле истории с точки зрения теории познания должно сказать обратное. Его толкований нельзя отвергать, потому что они вообще находятся вне области доказуемого; то, на что они указывают, лежит за явлениями и обладает устойчивостью веры, которую можно поколебать лишь ссылкой на явления и основные положения, доказательную силу которых она отрицает. Этим попыткам объяснить всю историю в ее целом уже заранее присуща некая область, в которой философия является не только переходной стадией и не должна бояться или надеяться быть замененной более точным знанием; но именно поэтому эти попытки лишены возможности когда-либо стать точным знанием. В этом смысле они абсолютно несовершенны, тогда как исторические

---

\* Зиммель Г. — немецкий философ, представитель философии жизни. Глава публикуется в соответствии с современным правописанием и стилистикой.

законы несовершенны лишь относительно. В той области, в которой они находятся, они теперь уже могут достигнуть известного совершенства, но сама эта область раз и навсегда оказалась за пределами науки в собственном смысле слова; исторические законы, напротив, находятся в пределах ее, но являются несовершенными первыми стадиями в деле достижения целей, к которым при посредничестве их стремятся. Так как философия истории трудилась без разбора и над тем, и над другим, то она заслужила решительное порицание и за абсолютное несовершенство попыток объяснить смысл истории, и за относительное несовершенство исторических законов. Мне теперь нужно лучше обосновать указанное выше различие между ними обоими.

Если бы и все исторические факты были нам известны без всякого пробела и искажения и если бы притом нам были открыты все законы, которые управляют всяким материальным атомом и всяким представлением в их отношении ко всем другим, то все же, очевидно, этим не был бы еще разрешен целый ряд задач, которые можно поставить себе по отношению к истории. Все еще оставался бы открытым вопрос, является ли история творением божественного направляющего духа или она порождает силы своего развития из самой себя; какова цель, которую преследует дух или присущее ей (истории) течение, в рамках которого находится и сам исследователь, и вообще, имеется ли такая цель; в чем же кроется ценность всей этой борьбы и познания ее; представляет ли собою сумма исторических движений замкнутую, саму собой довлеющую единицу, или, наоборот, каждая стадия и каждый мельчайший элемент ее имеет сам по себе смысл и значение, а совокупность их представляет осмысленное целое вообще лишь в связи с космическими движениями. Все это — обстоятельства, по поводу которых познание исторической действительности дает, конечно, материал для постановки вопроса, но не для решения его.

Вопросы этого рода, ускользающие от научных методов и доказательств, признанных в прочих случаях связующими элементами, группируются, по-моему, в две категории. Можно, с одной стороны, ставить вопрос о той абсолютной реальности, которая находится за всякой историей, как вещь в себе находится за всяким явлением; здесь идет при этом речь о возможности или невозможности бытия, стоящего за пределами ряда явлений; будет ли оно мыслиться в пантеистическом единстве с ними, или противопоставляться ему теистически, или

отрицаться материалистически — это уже более материальное обстоятельство; формально этот ряд метафизических предположений отличается тем, что предположения эти высказываются об отношении, существующем между историей в ее целом и каким-либо вне ее стоящим принципом. Но, во-вторых, можно исследовать специальное и единичное в исторических событиях по категориям, которые в них привнесены субъективно; здесь речь идет уже о толкованиях, касающихся имманентного содержания истории, но исходящих лишь из размышления наблюдающего духа и ни в чем не меняющих действительности этого содержания. Имеются тройкого рода категории. Во-первых, можно поставить вопрос об общих понятиях, под которые подходят исторические события; будем ли мы рассматривать их как внутренне связанное целое или должны довольствоваться тем, что познаем их части; будем ли мы их понимать с точки зрения отдельных индивидуальных деятельных сил или как развитие общего зародыша и проч. Все это оставляет неизменным течение событий и отдельных законов, так что самые различные ответы на эти вопросы и различные оценки их содержания могут иметь место при одной и той же исторической действительности. Эти гипотезы имеют дело не с чем-то стоящим вне течения исторической действительности, как это делает предположение о божественном направлении хода истории; они присущи ему, не изменяя его точно так же, как световой эфир пронизывает весомые тела, не производя никакого отклонения в движениях, которые в них происходили бы и в том случае, если бы его вовсе и не было.

Так, во-вторых, обстоит дело и с выяснением цели истории. Причинный ряд, представленный нам ею, мы можем превратить в телеологический, причем ряд этот ничуть не изменится в своем содержании. Реальные следствия, которые связывают одно состояние с другим, остаются на деле и тогда, когда мы какое-нибудь из них признаем целью, ради которой существовали предыдущие. Если, например, для нас конечной целью всякой исторической сущности является образование индивидуальности, то все же критерием ее достижимости является лишь то, что, как видим, достигнуто опытным путем; реальные силы, являющиеся ее причиной, не уменьшатся и не увеличатся, не изменится и направление их действия, если мы примем их к тому же за средства, так же как в деле установления фактов не имеет значения то обстоятельство, будем ли мы признавать раз

предложенную цель внутренней и в некотором роде самой по себе воплощающейся в действительности или признаем ее установленной божественною силой. Всякая цель может реализоваться лишь с помощью целого механизма; описание этого механизма и составляет задачу исторической науки. Та антиципация конечной стадии, то отношение всякой предшествующей стадии к конечной, переносящееся через все промежуточные звенья цепи, которое лежит в основе телеологического воззрения, находится лишь в мысли, которая приступает к фактам. Но и познание психической природы в ее чисто механическом характере вовсе не изменяется тем, что мы приписываем ей цели. Когда мы стараемся установить механические пути органического развития, для исследования которых дарвинизм дает, по крайней мере, первую точку опоры, то мы можем без дальнейших рассуждений признать весь этот ход аппаратом или результатом божественного установления цели, выводя каждый отдельный член его из потенциальных сил предшествующего, сил, развившихся в нем по законам механизма. И даже там, где практические цели вызывают к жизни познание вообще, как, например, в технических науках, и здесь то обстоятельство, что мы пользуемся практически результатами его, является лишь прибавкой к тем, которые содержат в себе причинные процессы сами по себе; они показывают, что следствие *B* наступает тогда, когда дано условие *a*, и больше ничего. То, что мы хотим *B*, что оно является целью, может в качестве психологического мажорного тона сопровождать весь процесс познания, но результаты его материально ничуть не станут иными; они останутся такими же, если мы будем искать их без этой целевой точки зрения. Таким образом, история представляет то же течение, ту же целесообразность независимо от того, какой из ее моментов мы выделим в качестве такого, ради которого существуют все другие. Для исторического исследования безразлично, считаем ли мы индивидуализацию душ или их нивелировку, господство Бога или антихриста, разумные или волевые формы целями, без которых вообще не действовали бы те силы, описание которых так, как если бы они были самостоятельны, и составляет содержание точного исследования.

Реалистического рассмотрения истории нет в том смысле, что существуют группировка фактов по важности и придание формы материалу с помощью лежащей вне его идеи о смысле и значении целого; можно, конечно, в исследовании по теории познания отделить

все эти элементы и изложить эту метафизику истории отдельно, но в действительном исследовании всякий данный вид ее будет удаляться лишь для того, чтобы уступить место другому.

Вопрос о том, что же, собственно, важно в истории, теряет свое значение для объективного ее материала не вследствие того, что его можно поставить и разрешить лишь субъективно.

Даже то понимание истории, которое должно бы наиболее энергично вооружаться против введения метафизических предпосылок, а именно материалистическое, и оно может делать это лишь путем самообмана. Прежде всего, объяснение всякого исторического движения тем, что оно вызвано противоположностью экономических интересов, — гипотеза, которая проникает гораздо глубже поверхности явлений. Ведь здесь речь не о том психологическом толковании, которое в основу материальных процессов ставит сознательные акты, цели и мысли; но так как действительное сознание, лежащее в основе наших поступков, тысячи раз проявляет совершенно иные, кроме экономических, мотивы, то это учение должно проникать еще глубже, в бессознательные основания. Предположение, что все исторически действующие интересы являются лишь преобразованием и прикрытием материальных, — которое нельзя доказать, очевидно, исходит из оценки материальных факторов жизни; оценки, которая подставляет под точно установленные события (их вовсе не нужно подтасовывать) — смысл, который нельзя прочесть в самих событиях, но который определяет, однако, их понимание и группировку по важности.

И если бы даже можно было доказать, что экономический интерес является действительно тайным или явным импульсом всех исторических деяний, то и тогда было бы чисто метафизическим произволом то, что останавливаются на этом пункте и объявляют его последним или достижимым, который сам собою понятен и не требует больше никакого исследования. Загадка оценки и здесь разгадана не более, как и при посредстве всякой другой цели, признаваемой последней.

Когда отказываются проследить материальные и духовные нити, сплетение которых необходимо для порождения этого интереса и которые должны, конечно, пройти через этот пункт для образования ткани из фактов, то вместе с тем отказываются и от придания того или иного оттенка фактам, толкований и группировки их, которые могли бы, быть может, вытекать из более глубоких основных мотивов. Итак,

не только тогда, когда отрицают моменты, связанные с материальными, но и тогда, когда отрицают моменты, лежащие за или перед ними, и всякую априорную форму истории определяют с точки зрения экономической, то и тогда впадают в догматизм, который можно уподобить теоретическому материализму. Ведь и он — метафизика, потому что чисто гипотетически сводит к материи эмпирически отличные от нее явления, и утверждает, что материя есть сам собою разумеющийся последний принцип, тогда как она ничуть не менее загадочна, чем другие абсолютные сущности, которые ставились в основу игры явлений. Этим мы вовсе не критикуем материалистическое исследование истории, а лишь отнимаем у него исключительное положение в теории познания, где оно считало себя свободным от всякого метафизического влияния. Метафизические предпосылки могут при одном понимании истории выступать более ясно, чем при другом; но без них не может быть ни одно, если только оно вообще является пониманием. Такова любая история, исследуемая людьми и для людей.

Тот простой факт, что имеются эпохи прогрессивные, как это оказывается при сопоставлении с идеалом, еще не заполняет всего понятия «прогресса в истории». Нужно еще предположить внутреннюю связь временно разделенных частичных реализаций идеала так, чтобы, несмотря на то, что прерываются друг с другом и эпохами другого направления, одна примыкала бы туда, где кончается другая, и оттуда вела дальше. Когда утверждают, что в истории есть прогресс, то предполагают, так сказать, подземное соединение между периодами, характеризующимися своим отношением к идеалу; и в основе их соединения должна лежать сила, которая простирается на все их действия и проявления и производит то, что механизм исторического процесса вообще протекает и будет протекать и в будущем, несмотря на все отклонения на пути к этому идеалу. Утверждение, что история представляет собою процесс, исключает отношение простой случайности, находящееся между реальными механическими силами и нашими идеальными представлениями. Недостаточно того, чтобы первые случайно воплощали вторые, но таким образом происходящие, накапливающиеся события или эпохи образуют сообразно с этим единство развития таким образом, что картина и понимание позднейших выясняется не путем познания непосредственно предшествующего внешнего положения и потенциальных его сил, а

лишь благодаря отношению его к предшествующей — может быть, и вовсе не непосредственно — ступени реализации конечной ценности истории.

Наконец, и в другом отношении понятие прогресса включает метафизическое предположение в цель внешних событий. Именно оно далее определяет, что сущность, о которой его высказывают, единична. Большое число событий, содержание которых движется в восходящем к идеалу направлении, не кажется нам все же прогрессом, как только события эти происходят с отдельными субъектами. Когда мы говорим о прогрессе в природе, который ведет от низших организмов к высшим, то мы мыслим при этом одну первичную силу или субстанцию, которая развивается, проходя по восходящим формам, связь с одним субъектом, который прогрессирует, преодолевая ряд этих состояний. Уже обычному выражению необходимо единство субъекта, чтобы сказать о нем, что он прогрессирует; и мы не прилагали бы этого понятия, если бы речь шла, положим, о следующих друг за другом и все более ценных состояниях, но воплощающихся на различных телах даже и в том случае, если бы мы предположили связь этих отдельно друг от друга находящихся ценностей в одном мировом духе или в одном понятии природы. Соответственно этому и прогресс в истории должен предполагать единство субъекта, по отношению к которому он и совершается.

Установим ради ясности принципиальные конечные пункты наших рассуждений в виде системы, которая проходила бы красной нитью через все нами доселе изложенное. Философия истории видит перед собою двоякого рода задачи в соответствии с двойственным значением понятия истории: мы обозначаем им, с одной стороны, судьбы человечества, как научное представление и изложение, с другой — сами события, содержание само по себе, не обращая внимания на форму познания его в науке. В первом значении, в случае изложенной уже истории, задача философии — чисто теоретически-познавательная: она здесь исследует не сами факты, а познание их; не бытие, а представление является объектом ее; она не может здесь ни в чем изменить хода исследования, направленного на факты так же, как само исследование не может ничего изменить в фактах. Но она может показать, сколько способов представления, которые в иных случаях называют философскими, оказываются присущими, по-видимому, чисто эмпирическому исследованию истории. Часть этого доказательства — дело общей теории познания:

категории причинности и субстанциональности, всеобщие законы мышления и предположения, относящиеся ко всему происходящему, и для исторического содержания действительны и имеют значение не более и не менее, чем для другого исследования. Специальным объектом истории философии является, во-первых, указание на психологические интерпретации и интерполяции в изложении истории. Она должна указать на предпосылки для соединения внешнего и внутреннего процессов, с помощью которых устанавливается непрерывность и понятность исторического ряда, предпосылки, по содержанию своему частью эмпирические, частью надэмпирические, а по функции своей априорные. Во-вторых, нужно вывести из исторического исследования в явном виде метафизические представления, которые касаются, конечно, не отдельных содержаний, а всей их совокупности, тенденций, форм и определений ценности. Здесь философии, прежде всего, нужно установить лишь эмпирически, я мог бы сказать, статистически, какие представления определяют исследование явлений в историческом познании, а затем исследовать, насколько это обосновано материально и психологически в задачах истории.

Это, следовательно, и составляет переход ко второй категории проблем философии и истории; она включает в себе приложение философского мышления к самому содержанию истории, попытку приобрести фактические данные относительно его. И здесь следует различать две разные и различной ценности задачи. Открытие законов истории, о которых прежде всего идет речь, приводит нас к бесконечно далекой цели: к познанию тех законов, которые дают возможность с полной уверенностью предсказать в каждый данный момент времени или точке пространства следующий момент или точку. Я доказал, что задача эта разрешима лишь с помощью разложения всех исторических событий на действия простейших частей; что не может быть реальных законов, которые определяют познание реальных сил исторического процесса — законов для сложных образований как таковых; и что поэтому понятие исторического закона в строгом смысле противоречиво. Если то, что обыкновенно обозначают этим именем, в сущности лишь факты — результаты приложения законов к случайному материалу, а не сами законы, то все же с помощью исследования таких законов путем постепенной индукции и анализа достигается приближение к познанию действительных сил и простых исторических элементов и их законов. Но с философской точки зрения



это есть стремление, насколько вообще мы признаем выражение в нем сущности философского мышления, антиципировать и подготовить точное познание в первых общих положениях и предварительных резюме. Стремление найти законы истории, конечно, постольку самообман, поскольку законы, определяющие историю, не особые законы истории, этого сегмента всего космического круга. Но как предварительная ориентировка в пестроте и случайности исторических явлений и как первая стадия познания реально действующих законов, они, конечно, имеют полное право на существование. И, наконец, речь идет о попытке средствами философии познать отношения к абсолютному, цель и смысл в историческом бытии, т. е. установить фактически то, присутствие чего как элемента должна была доказать теоретически-познавательная философия истории в эмпирическом исследовании истории. А относительно этого мы видели, что всякое построение надэмпирического на основании метафизических, этических и эстетических мотивов не приводило ни к чему, как только такое построение предпринималось в целях объяснения чувственных данных. Легко можно возразить, что психологическое толкование исторических фактов, и составляющее собственно содержание истории, тоже ни что иное, как объяснение чувственно данного с помощью подразумеваемого духовного. Однако мы не имели бы в действительности никакого права прибегать к последнему приему познания, если бы, как мы видели, предполагаемые сознательные акты исторических личностей отражались бы точно и непосредственно в сознании познающего, так что мы никогда не могли бы объяснить внешние поступки психологическими явлениями, которыми мы в какой бы то ни было форме не могли бы вызвать в себе. Но это субъективное воспроизводство, в котором и состоит всякое понимание истории, возможно для нас лишь там, где непосредственно за рядом внешних поступков ставится ряд мыслей, желаний и чувств, но не там, где за последним рядом, уже установленным, еще раз приходится в качестве носителя и руководителя ставить духовный принцип. Каждая попытка объяснить таким принципом эмпирические данные рушится благодаря тому, что мы можем взять содержание его лишь из действительности, которую он должен объяснить. С большим правом, кажется нам, прилагается метафизика там, где она не должна служить познанию действительности; там, где метафизические представления имеют значение, независимое от всяких теоретических вопросов, значение, порождаемое спекулятивными интересами или

потребностями духа. Здесь против попытки доказать их на основании исторических явлений возразить ничего нельзя. Здесь речь идет лишь о символических толкованиях и значениях действительности, которые, однако, не имеют значения за своими пределами и не входят в научное представление о ней.

Их нельзя считать ложными, потому что они являются не познанием, а выражением интересов, психологическими фактами, стоящими вне альтернативы истинного и ложного.